

О старожильческом русском населении Эстонии

Сергей Исаков (Тарту)

В эстонской печати (особенно 1990-х гг.) часто можно было встретить утверждение, что русские в Эстонии это пришлый элемент, «чужаки», не имеющие ничего общего с местными культурными традициями, это люди «без корней», лишенные какой-либо связи с прошлым, с историей края. Причем подобные утверждения встречались не только в газетных статьях националистически настроенных журналистов и политиков, но и – в несколько смягченной форме – в публикациях эстонских политологов и социологов. Исключение иногда делалось только для причудских старообрядцев.

Я ни в коей мере не отрицаю особой роли старообрядцев в истории русской общины в Эстонии и очень рад, что за последние годы усилиями П.Варунина и тартуских ученых исследования старообрядцев значительно продвинулись вперед. Но со всеми этими утверждениями о «чужаках» я никак согласиться не могу. Русские, проживающие сегодня в Эстонской Республике, в своем подавляющем большинстве совсем не люди «без корней». Они уже укоренились в эстонской почве – насколько глубоко, это уже вопрос другой. Не случайно русские из Эстонии, переехавшие на жительство в Россию, часто чувствуют себя там крайне неуютно...

Процессу «укоренения», без сомнения, способствует наличие среди русских Эстонии особой прослойки, которую я назвал бы старожильческим русским населением Эстонской Республики. Это потомки всех тех русских, которые проживали в Эстонии еще до советской власти, так сказать «коренные» русские и это отнюдь не только старообрядцы. Меня всегда удивляло полное игнорирование этой прослойки в трудах эстонских ученых. Мы даже не знаем, сколько их.

Разговор о ней надо, видимо, начать издалека. Эстонскими исследователями обычно замалчивается тот факт, что русские проживают на территории Эстонии не менее тысячи лет. По крайней мере, первые бесспорные факты существования русских (точнее восточнославянских) поселений на эстонской земле относятся к первой половине XI в. Это не отрицается и эстонскими историками.

Тех, кто интересуется этой проблематикой, я отсылаю к своей только что вышедшей книге «Путь длиной в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Часть I» (Tallinn, 2008. 312 стр.). В ней я как раз рассматриваю русскую культуру в Эстонии на протяжении тысячи лет. Пересказ даже основных положений этой книги отнял бы

слишком много времени, поэтому ограничусь лишь несколькими примерами, чтобы показать, насколько весомый материал включает история русской культуры в Эстонии.

Из тартуской русской колонии XIV–XVI вв. вышло несколько крупных деятелей православной церкви, приобщенных к лику святых. С того времени до наших дней в Тарту и Таллинне существуют Русские (Vene) улицы. Первое описание Тарту в литературе сделано русским автором. В XVII в. русские составляли самую многочисленную этническую группу в Нарве. Древнейший памятник русской литературы в Эстонии – это «Плач о реке Нарове» Леонтия Белоуса 1665 г. В первой половине XIX в. в Тарту вокруг университета и в Таллинне, на курорте – «на ревельских водах» формируются интереснейшие русские культурные центры, не только региональные, но значимые для всей русской культуры. В Тарту была создана школа русских студенческих поэтов, возник жанр студенческой песни. В конце XIX – начале XX в. в Эстонии была уже развернутая сеть русских обществ и организаций, были русские учебные заведения, музеи (знаменитый Лаврецовский музей в Нарве), издавалось много русских газет и книг; сюда приезжали крупные русские композиторы, писатели, художники, отражавшие в своем творчестве жизнь и историю Эстонии, и т. д., и т. п. В результате еще до 1918 г. в Эстонии была представлена русская культура со своими традициями. Именно там надо искать истоков нынешнего русского старожильского населения Эстонии. Не будем забывать, что культурные традиции очень жизнестойки, «живучи», нередко их пытаются искоренить, но они, подобно фениксу, вновь и вновь возрождаются из пепла.

Если истоков старожильчества надо искать в предреволюционной поре, то его реальная основа была заложена в период с 1920 по 1940 год, т. е. в период первой независимой Эстонской республики. До 1920 г. местные русские не осознавали себя в качестве особой этнокультурной общности, они были частью великорусского этноса, господствовавшего в Российской империи, подпитывались соками этой большой – общерусской – культуры. После заключения мирного договора с Советской Россией в 1920 г. местные русские оказались оторванными от родины, рассчитывать на помощь Советской России им не приходилось – в СССР утвердилось стопроцентно отрицательное отношение к русским за рубежом, все они рассматривались как прямые или потенциальные «антисоветчики», враги коммунистического строя. Русские в Эстонии в деле культурного строительства были предоставлены самим себе.

Русские в Эстонии сумели создать свою общину. Их было 92 тысячи (это 8,2 % населения). Большая их часть проживала в деревнях на восточных окраинах республики, прежде всего в Принаровье и Печорском крае, отошедших к Эстонии по мирному договору с Советской Россией 1920 г. Там в ряде волостей было сплошное русское

население, была русская национальная среда со своими школами, церквями, памятниками древнерусской старины.

Эмигрантов среди русского населения Эстонии было не так уж много – 15–18 тысяч; они проживали, в основном, в городах. Но очень важно, что именно эмигранты составляли авторитетную и сравнительно многочисленную прослойку русской интеллигенции, причем высокообразованной, элитарной.

В политической жизни Эстонии русские не принимали активного участия, хотя сама по себе эта жизнь поражает своим многообразием: в ней представлены все старые и новые русские политические партии, идеологические течения. Но зато культурная жизнь русских была очень интенсивной и ее стержнем, основной идеей было сохранение своей национальности, национального идентитета. Путь к этому лежал через сохранение и развитие родной культуры, родного языка. К концу 1930-х гг. русские в Эстонии окончательно определились как особая этнокультурная группа со своей субкультурой.

Центрами русской культурной жизни в Эстонии стали многочисленные общества, которые в 1923 г. объединились в Союз русских просветительных и благотворительных обществ. К концу 1930-х гг. он включал более 90 организаций. Союз был инициатором проведения ежегодных Дней русского просвещения. Это были своего рода национальные праздники русских с разнообразной программой. По примеру русских в Эстонии и в других странах, где они проживали, стали проводиться Дни русской культуры. Эстонские русские были зачинателями этих важных культурных мероприятий всего огромного Русского Зарубежья.

При обществах и гимназиях имелись русские хоры и оркестры народных инструментов, порою по своему уровню приближавшиеся к профессиональным. В 1937 и 1939 гг. были проведены общереспубликанские русские праздники песни, образцом для которых послужили эстонские певческие праздники.

В Эстонии было около ста русских начальных школ, несколько русских гимназий с прекрасным преподавательским составом. Существовала Русская академическая группа, объединявшая русских ученых.

В республике функционировало два русских театра – в Таллинне и в Нарве, выступали превосходные актеры, певцы – бывшие солисты Большого театра в Москве и Мариинского в Петербурге, балетмейстеры. Выходило много русских газет (всего около ста), издавались русские книги и журналы. Эстония была одним из центров литературы Русского Зарубежья, в ней проживало и работало по меньшей мере 30 писателей, достойных того, чтобы о них вспоминать (правда, из них большинству знаком лишь один

– Игорь Северянин). Здесь работал ряд крупных русских художников, были русские композиторы и архитекторы.

В стране шел сложный процесс интеграции русских в эстонское общество. Правда, тут заметна довольно большая дифференциация. К интеграции никто не принуждался, поэтому в принципе можно было и не «интегрироваться». Но молодежь предпочитала именно этот путь, понимая, что без знания эстонского языка, эстонской культуры, эстонского менталитета трудно утвердиться в местном обществе. В то же время большинство молодых совсем не собиралось отказываться от своей национальности, от своего языка и культуры. Массовой денационализации не было, хотя и появлялись отдельные лица, ставшие уже фактически носителями эстонского языка и культуры. Обычно они меняли свою русскую фамилия на эстонскую. Мало кто знает, что один из самых замечательных эстонских актеров XX века Юрий Ярвет был поначалу Юрием Кузнецовым, ученый–физик Пауль Кард – Павлом Кудрявцевым, поэт и литературовед Алексис Раннит – Алексеем Долгошевым, художник Сювало – Щербаковым и т.д. Это естественный процесс, он имел место и в других странах Русского Зарубежья.

Вообще русские внесли значительный вклад в становление эстонской государственности, в развитие экономики и культуры Эстонии. К сожалению, об этом ныне обычно не вспоминают. Строительство государственной системы молодой Эстонской Республики начиналось по существу с нуля. Своих специалистов не хватало. Русские юристы сыграли решающую роль в кодификации, в приспособлении старого российского законодательства к новым условиям. Они же стали советниками–консультантами эстонских министров финансов, юстиции, путей сообщения и др. В Тартуском университете работало 12 русских преподавателей и профессоров (опять же, в первую очередь, юристов). На долю русских военных специалистов выпала организация эстонского военного образования, прежде всего Курсов Генерального штаба. Потом, когда появились свои – из эстонцев – специалисты, от услуг русских отказались. Русские инженеры сыграли важную роль в создании эстонской сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности, в налаживании холодильного дела (в этой области работал М.Зароченцев, специалист по холодильникам мирового масштаба).

В области искусства очень велика роль русских балерин и балетмейстеров в создании эстонского национального балета. Дело в том, что до 1910-х гг. балета как особого вида искусства у эстонцев не было. Он создан под руководством русских балетмейстеров, решающую же роль в подготовке национальных кадров балета сыграли русские балетные студии в городах Эстонии, прежде всего студия Евгении Литвиновой в Таллинне.

Много русских преподавателей было в Таллиннской консерватории и Тартуской высшей музыкальной школы. Сергей Мамонтов, бывший концертмейстер Большого театра, много сделал для формирования оперного ансамбля театра «Эстония». Из школы–студии Варвары Маламы в Таллинне вышли знаменитые певцы Милица Корьюс, Вера Неэлус, Георг Талеш. Отмечу еще, что русский художник Ольга Оболянинова–Криммер фактически является основоположником эстонского искусства театрального костюма. В историю эстонского спорта внесли свою лепту русские спортсмены: боксер Николай Степулов стал серебряным призером Олимпиады 1936 года, русские баскетболисты в 1930-е гг. составляли костяк сборной Эстонии.

Чтобы уже больше не возвращаться к этому вопросу, отмечу, что деятели русского происхождения (причем именно из старожильческого русского населения) внесли заметный вклад в эстонскую культуру и более позднего периода – 1940-х – 1980-х гг. Назову лишь некоторые имена: кинорежиссер Григорий Кроманов, постановщик, пожалуй, самого популярного эстонского фильма «Последняя реликвия»; писатель Николай Батулин – один из лучших стилистов в современной эстонской литературе; баскетболист Иоанн Лысов – заслуженный мастер спорта, капитан сборной СССР по баскетболу; ученый–астроном Григорий Кузмин, ученый–медик Павел Боговский, певец Виктор Гурьев, популярный артист эстрады Владимир Сапожнин и многие другие.

Однако вернемся к старожильческому русскому населению в Эстонии. Его реакция на события лета 1940 г., на советскую аннексию Эстонской Республики была далеко не однозначной. Значительная часть крестьянства восточных окраин Эстонии, городских низов, лево настроенной молодежи встречали красноармейцев с цветами, приветствовали установление новой власти. Одним это представлялось утверждением равенства и социальной справедливости, по их мнению, отсутствовавших в старой Эстонской Республике, для других – это, скорее, было радостная встреча с братьями–русскими, возвращение к матери–родине. Но большинство эмигрантов и более состоятельные русские, наоборот, встретили приход Красной Армии новой власти со страхом, с обоснованными опасениями за свою судьбу.

Очень скоро начались аресты русских политических, общественных и культурных деятелей, в первую очередь эмигрантов. Как это ни странно, первые аресты были проведены эстонской политической полицией еще до 21 июня 1940 г., до окончательного утверждения советской власти. Эстонская политическая полиция явно действовала по указке НКВД. Вслед за тем арестованные из тюремных камер эстонской полиции перекочевали в застенки НКВД, где их судьба была решена оперативно и кардинально...

Во второй половине 1940 – в первой половине 1941 года были заключены под стражу и вслед за тем расстреляны или погибли в лагерях почти все ведущие русские деятели, среди них представители духовенства (епископ Иоанн Булин), писатели (В.Никифоров–Волгин, В.Гущик, М.Карамзина), певец Н.Суурсёёт (Н.Пономарёв), актриса Е.Гаррай, актер и театральный деятель Н.Устюжанинов (один из немногих, кто выжил, но не смог вернуться в Эстонию), видные русские педагоги. Точное число репрессированных русских не известно, но я могу с полной ответственностью за свои слова сказать: процентуально (по отношению ко всему русскому населению) их было не меньше – скорее всего больше, – чем репрессированных эстонцев.

Были незамедлительно закрыты все русские общества, газеты. Прекратил существование Таллиннский русский театр. Замолчали почти все писатели. Наступила атмосфера страха, своего рода психологического шока, приобретавшего порою прямо-таки кафкианский (в духе Кафки) характер при аресте и заключении. Можно сказать, что всей разносторонней деятельности русских в Эстонии был положен конец, вся сформировавшаяся структура деятельности общины была разрушена, уничтожена.

Затем наступил короткий период немецкой оккупации – с августа 1941 по сентябрь 1944 г. Русским в Эстонии он ничего хорошего не принес. Немецкие власти и их местные пособники весьма настороженно, с большим подозрением относились к русским, тем более, что они нередко помогали советским военнопленным, умиравшим от голода и лишений в немецких лагерях. Русские в своей основной массе – исключения всегда есть – не испытывали восторгов от немецких побед, как и огорчений от их поражений. Можно сказать, что эстонские русские пострадали и от советской, и от немецкой оккупации. Можно было бы привести немало парадоксальных примеров этого: писатель Владимир Гущик погиб в сталинском лагере, а его сын – талантливый молодой поэт Олег Гущик был расстрелян немцами или их пособниками.

Когда стало ясно, что немецкие войска вскоре оставят Эстонию и на ее территорию вновь вступит Красная (теперь уже Советская) Армия, перед многими русскими, уцелевшими от репрессий 1940/41 года, опять встал больной вопрос: что делать дальше? Они прекрасно понимали, что их ожидает после восстановления Советской власти. В этих условиях в 1944 г. вместе с большим потоком эстонцев часть русских эмигрирует на Запад и уже после войны оказывается в США. Это была для них зачастую вторая эмиграция. В США обосновались Юрий Иваск и Борис Нарциссов, ставшие крупнейшими поэтами послевоенного Русского Зарубежья. От некогда мощного слоя русской интеллигентной элиты в Эстонии почти никого не осталось...

В начале 1945 г. населенные, в основном, русскими Занаровье (земли по правому берегу реки Наровы) и Печорский уезд отошли к РСФСР. В результате в Эстонии осталось мало коренного русского населения – примерно 20 000 – 23 000. Но зато в послевоенный период началась массовая миграция русских в Эстонию из других республик Советского Союза. Не буду приводить соответствующие цифровые данные, они всем хорошо известны.

Новая структура культурной и общественной жизни русских в Эстонии формировалась в послевоенный период в полном отрыве от старых традиций местной русской культуры. Эти традиции были объявлены классово чуждыми коммунистическому строю, идеологически вредными, с ними боролись, их старались уничтожить. Новая культура создавалась по общесоюзному образцу и в первую очередь силами приезжих. «Коренные» местные русские составляли меньшинство и в значительной мере были отторгнуты от строительства новой культуры – они не вписывались в нее и им не доверяли. Та культура, которая создавалась, собственно, была не столько русской, сколько прежде всего советской. Сказывалось и то, что поначалу среди приезжих прослойка интеллигенции была невелика, почти отсутствовала интеллигентная элита.

Как же в новых условиях чувствовали себя русские «старожилы»?

В первые послевоенные годы они остро ощущали свое отличие от приезжих русских. Не могу не вспомнить мою бабушку Анну Сергеевну из простых крестьян: она всегда четко различала «русских» (это были для нее местные русские) и «советских» (т.е. приезжих). Различия между ними были практически во всем – в мировосприятии, в отношении к религии, в культурных традициях, в бытовом менталитете, в языке. При этом «советские» были, так сказать, хозяевами жизни, в то время как местные русские ощущали себя людьми второго сорта по официальной шкале ценностей. Кстати, многие стали жертвой массовых репрессий марта 1949 г.

«Адаптация» местных русских к советскому образу жизни шла трудно, но она была необходима, чтобы выжить.

Естественно, ни о каких легальных объединениях местных русских вплоть до периода перестройки не могло идти и речи. Всё это способствовало своеобразному «распылению» старожильческого русского населения Эстонии. Оно не составляло в советскую эпоху и не составляет сейчас некоей гомогенной общины, коллективного объединения. По, видимо, справедливому наблюдению Дмитрия Михайлова старая русская диаспора в Эстонии не исчезла, но она «атомизировалась», распалась на автономные монады. Это чаще всего отдельные семейства с их прямыми потомками, обычно поддерживающие семейные связи с себе подобными.

Конечно, за прошедшие полвека советской власти «коренные» русские и в особенности их потомки приспособились, адаптировались к новой системе, вошли в ее структуры. Этому способствовало не только время – всё-таки полвека большой срок – и не только требования реальной жизни, но в какой-то мере и изменения в самой среде приезжих, мигрантов. В их среде, начиная с 1960-х гг., возросло число интеллигенции, многие представители которой уже не были столь тесно связаны с коммунистической идеологией, а иногда и порывали с ней. В брежневскую и постбрежневскую пору в Эстонии в силу ряда причин все же была более свободная духовная атмосфера, чем в других республиках СССР, сильнее были связи с Западом, меньше ощущалось давление официальной идеологии, допускалось то, что в других регионах Советского Союза было безусловно запрещено. Это привлекало сюда выдающихся ученых (вспомним всемирно знаменитого Ю.Лотмана) и писателей из Советской России, настроенных весьма оппозиционно (Давид Самойлов, Сергей Довлатов). С этими людьми местные «коренные» русские уже легче могли найти общий язык. Характерно, что в первых русских диссидентских нелегальных объединениях в Эстонии, возникших в конце 1960-х гг., были представлены как «старые» русские (Сергей Солдатов), так и «новые», «приезжие».

Не случайно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. многие русские поддержали борьбу эстонцев за независимость. В референдуме 3 марта 1990 г. по вопросу о восстановлении независимости Эстонии около 40 % русских проголосовало за это, 30 % – против и 30 % не приняло участия в голосовании. Среди тех, кто голосовал за восстановление независимости Эстонии, без сомнения, было абсолютное большинство «коренных» русских, но было и много «новых».

В независимой Эстонской Республике старые русские эстоноземельцы – наиболее интегрированная часть русского населения страны, они практически все имеют эстонское гражданство, в большинстве владеют эстонским языком и не испытывают многих из тех трудностей, которые выпали на долю бывших мигрантов.

Сколько же их сейчас вместе с потомками? К сожалению, это неизвестно. Данные последней переписи населения тут не помогают. По предположению социолога Дм. Михайлова (впрочем, более, чем десятилетней давности), в Эстонии осталось не более 15 тысяч семейств, живущих здесь постоянно в течение длительного периода времени. Они составляют в совокупности примерно 10 % от всего русского населения Эстонии, т.е. более 40 000 человек.

Социологическое исследование Юрия Мальцева (правда, проведенное в Таллинне при небольшом числе респондентов) показало, что около 90 % опрошенных старожилы идентифицируют себя как русские, хотя 30–40 % их детей и внуков уже считают себя

эстонцами. Социологическое исследование Дм.Михайлова 1994 г. выявило, что жизненные установки эсторуссов ближе к тому, что характерно для эстонцев, нежели для приезжих русских. Принимая во внимание близость исторической судьбы эстонцев и старожильского русского населения, это закономерно.

Я убежден, что сейчас идет медленный, но постоянный процесс формирования особой этнокультурной группы «эстонские русские» со своей субкультурой, отличающейся от той, что господствует в Российской Федерации, как и от той, что преобладает среди русских, проживающих в странах Западной Европы и Америки. Происходит выравнивание, своеобразная нивелировка позиций русских старожилов и бывших мигрантов, в особенности молодой их поросли. Этому, кстати, способствовали события, связанные с Бронзовым солдатом. Думается, что уже не за горами создание более или менее единой этнической группы эсторуссов, хотя часть русских «обэстонится», будет ассимилирована, чему способствует политика властей в области народного образования, с моей точки зрения, глубоко ошибочная.

Свое выступление я хотел бы закончить словами из воспоминаний уже ушедшего от нас великого баскетболиста Иоанна Лысова: «Мои счеты с самим собой давно прояснены. Я – русский, но Эстония – и моя отчизна, и моя родина. Русская кровь, обычаи и культура – всё это, конечно, есть во мне. Но я стараюсь открыто выражать это лишь в тех случаях, когда нахожусь в соответствующей среде, в соответствующей обстановке. Или же тогда, когда чувствую, что это будет понято и принято. Мои друзья – эстонцы часто говорили мне, что я больше эстонец, чем некоторые эстонцы по крови. Об этом не мне судить. Но я никогда не пытался искусственно напрягаться, чтобы стать эстонцем. Единственное, чего я хотел, – быть человеком».

Точка зрения И.Лысова наверняка разделяется не всеми «коренными» русскими Эстонии, но, тем не менее, она характерна для многих.